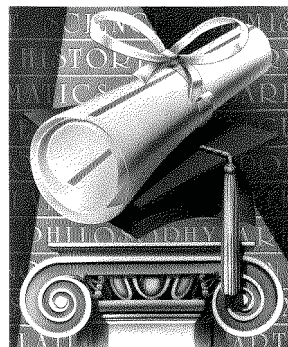

ЯЗЫКИ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Н.Ф. КОВКЕЛЬ

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВОГО ЯЗЫКА С ЕСТЕСТВЕННЫМИ И ИСКУССТВЕННЫМИ

В отечественной и российской юридической литературе практически отсутствуют научные исследования, посвященные анализу статуса правового языка в составе языка этнического, а также соотношения правового языка с искусственными. Указанные проблемы обладают высокой степенью научной актуальности, поскольку их решение способствует выбору правильных методологических подходов к исследованию правового языка. В связи с этим целью настоящей статьи является установление соотношения правового языка с естественными и искусственными.

В российской юридической литературе правовой язык принято относить к особому виду литературного языка [1, 10—18; 2, 3—13; 3, 89—103; 4, 10—18; 5, 57; 6, 9—10; 7, 22—38 и др.]. В последние десятилетия значительный интерес ученых вызывают проблемы соотношения права и языка, юридизации естественного языка, соотношения языка права и текста закона и др. [2, 3—27; 4; 8; 5—14; 9, 56—68]. Однако в этих исследованиях не определяется место правового языка в составе естественного, не анализируется и его соотношение с искусственными языками. Правовой язык лишь относят к группе профессиональных языков и отмечается принадлежность языка нормативных правовых актов к официально-деловому стилю [2, 15—27; 10, 151; 5, 57 и др.].

В европейской юридической литературе соотношение естественного (этнического) и правового языка анализируется в различных аспектах. Большинство авторов исследуют это соотношение через противопоставление естественных и искусственных языков. При этом под естественными понимаются языки, которые спонтанно формируются внутри определенной этнической общности, а под искусственными — языки, специально создаваемые людьми для реализации каких-либо целей. Определяя место правового языка в оппозиции «естественный язык — искусственный язык», многие исследователи именуют его смешанным языком [11, 35—36; 12, 68—70; 13, 40—42; 14, 186—187]. Они исходят из того, что в правовом языке доминируют элементы естественного этнического языка, наряду с которыми присутствуют и искусственные элементы, специально создаваемые субъектами правотворчества или юридической наукой. В качестве искусственных элементов правового языка чаще всего называются специальная юридическая терми-

Наталья Францевна КОВКЕЛЬ, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права Белорусского государственного экономического университета.

нология, отличная от лексики естественного языка, а также семантические правила, которые вводятся в правовой язык через легальные дефиниции, определяющие значения выражений [12, 70; 13, 41]. Некоторые авторы расширяют круг искусственных элементов правового языка за счет содержащихся идиоматических и иных выражений в нем [14, 187], а также ряда присущих ему специфических грамматических правил [11, 36].

Очевидно, что правовой язык обладает определенной спецификой лексики, синтаксиса, пунктуации, а также семантических и прагматических правил, согласно которым он функционирует. Однако вряд ли эти элементы правового языка можно отнести к группе искусственных на том лишь основании, что они сознательно формируются в процессе правотворческой или научной деятельности. Искусственные языки отличаются от естественных тем, что создаются намеренно, по заранее заданным логико-философским или лингвистическим параметрам, а зачастую и способом передачи информации.

Так, к группе искусственных языков принято относить прежде всего несколько десятков языков, разработанных с целью упрощения общения, среди которых наиболее известен эсперанто. «Создатели всех этих языков ориентировались на слова, заимствованные из латыни или греческого, и широко известные своими вариациями во множестве стран Европы. ...Основные грамматические категории образовывались от основной лексики опять-таки с помощью латино-греческих суффиксов и окончаний» [15, 142]. Именно с этим обстоятельством исследователи связывают и неудачу распространения искусственных языков вне европейского континента. Искусственными языками являются также языки барабанов и свистов, встречающиеся в странах Африки и Южной Америки, языки жестов для немых, глухих и глухонемых, азбука Морзе, а также философские языки, созданные Джорджем Дальгарно и Джоном Уилкинсоном. Ни в одной из классификаций искусственных языков или их элементов, предложенных в современной лингвистике или семиотике, не упоминаются элементы правового языка или какая-нибудь иная профессиональная лексика.

Необоснованно определяя некоторые элементы правового языка в качестве искусственных, исследователи часто объединяют их с такими псевдоискусственными языками, как формализованные кодовые системы алгебры, физики, химии, формальной логики и т.д. [12, 36—38; 14, 187 и др.]. Следует заметить, что проблема определения четкого критерия отнесения той или иной знаковой системы к группе языковых до настоящего времени носит дискуссионный характер. А. Соломоник приводит только две имевшие место в истории попытки семиотического подхода к языку и определения критерия, согласно которому можно было бы квалифицировать знаковую систему как языковую. Первая из них была предпринята Ч. Хокеттом в статье «Проблема универсалий в языке», имевшей широкий резонанс. Ч. Хокетт сравнил общие черты языков человека и животного мира и вывел ряд универсалий, позволяющих определить, является знаковая система языком или нет. То, что не было общим для систем коммуникации людей и животных, автоматически не попадало под понятие языка. Первый и основной универсалий Ч. Хокетта гласит: «Канал языковой коммуникации всегда голосо-слуховой» [16, 8]. Однако автор выразил сомнение в правильности избранного им подхода, поскольку из его схемы были исключены все письменные языки и барабанные языки Африки [16, 14]. Вторая попытка имела место в ходе дискуссии о системе жестов для немых, представленной в сборнике «Язык жестов для немых. Психологические, лингвистические и социологические аспекты». Исходя из анализа устных языков, Кристал и Крейг, авторы одной из работ данного сборника, постулировали целый ряд критериев отнесения системы коммуникации к разряду языков [15, 92]. Анализируя обе попытки, А. Соломоник критикует их общую методологию, а именно: выведение из наиболее распространенных, по мнению авторов, коммуникативных систем универсальных характеристик язы-

ка. «Принцип отнесения систем к наиболее важным и является в конечном счете решающим: для Хокетта — это общность систем общения людей и животных, для Кристала и Крейга — это устные языки. При таком анализе всегда должны возникать противоречия» [15, 92].

Соломоник предлагает абсолютно иной, и на наш взгляд наиболее верный, подход к решению данной проблемы: «любая знаковая система является языковой, если она построена на слове (базисной единице языка)» [15, 92]. При этом совершенно неважно, как передается слово: устно или жестом, барабаном или свистом, стуком или флажками. Важно семиотическое наполнение слова как знака, его абстрагирующая сила, способная отражать обобщенные явления действительности. Все искусственно созданные языки также, как и естественные, базируются на словах. «Языки свистов так же, как и барабанов, имитируют звучание слов. Перестукивание азбукой Морзе и сигнализация флажками сводятся к передаче слов. Наконец, жесты в языках глухих также в большинстве передают слова-понятия. Нет языковой знаковой системы, которая не была бы построена на словах» [15, 95].

Руководствуясь данным критерием, не следует относить к искусственным языкам формализованные кодовые системы логики, алгебры, химии, физики и т.д. Эти системы не являются языками ни в лингвистическом, ни в семиотическом понимании, поскольку базисным знаком каждой из них является символ, а не слово. В отличие от слова, которое описывает определенный референт, символ может быть отнесен к любому предмету, чтобы закодировать его по правилам своей системы. Из всех семиотических знаков символ наименьшим образом связан с референтом и обычно *ad hoc* используется для кодирования и получения соответствующего вывода.

Спорным представляется и основанный на аргументе об искусственных элементах вывод о смешанной природе правового языка. Все элементы и правила правового языка, несмотря на их специфику, базируются на знаках и грамматиках соответствующего естественного языка, что не позволяет квалифицировать его как смешанный язык.

Более продуктивным аспектом исследования соотношения правового языка с естественным представляется его анализ сквозь призму типологии видов естественного языка. Общеизвестно, что ни один этнический язык не является целостным единством, а выступает совокупностью языковых разновидностей. В современной лингвистике предложено множество критериев их типологии, имеющих разное приложение в этнических языках. Наиболее перспективным для изучения особенностей правового языка следует признать подход польского исследователя Т. Гизберга-Студницкого, обратившегося к типологии диалектов и реестров этнического языка, разработанной М.А.К. Холлидеем. На основе различий между пользователями языка он выделил его диалекты, а на основе различий между использованием языка в социальных ситуациях — реестры языка [17, 139—169].

Деление этнического языка на диалекты основано на территориальных, классово-сословных, возрастных, половых и иных различиях между пользователями языка — членами той или иной языковой общности. Порождаемые этими различиями фонетические, лексические, синтаксические, семантические и другие особенности диалектов этнического языка составляют предмет исследования такой отрасли языкознания, как диалектология. Проанализировав язык права (язык текстов нормативных правовых актов) с точки зрения диалектологии, Т. Гизберт-Студницкий пришел к заключению, что язык права не является отдельным диалектом этнического языка, поскольку нельзя выделить такой категории пользователей языка, которая была бы носителем этой разновидности. «Язык права определяется через отнесение его к определенному классу текстов, а не через отнесение его к категории пользователей» [11, 41]. Правовые тексты всегда формулируются на общем (стандартном) языке, а не на каком-либо региональном диа-

лекте. При этом стандартным языком часто становится диалект той части языковой общности, которая играет доминирующую роль в политической или культурной жизни [11, 39].

Следует признать справедливость этих замечаний лишь относительно текстов нормативных правовых актов. Однако правовой язык состоит из множества различных видов правовых текстов и правовой речи, которые можно структурировать следующим образом: 1) тексты источников права; 2) прикладные правовые тексты и прикладная правовая речь; 3) научные и учебные правовые тексты, а также научная правовая речь и правовая речь образовательного процесса.

Первый структурный элемент — тексты источников права — состоит из групп: тексты нормативных правовых актов, тексты судебных и административных прецедентов, тексты нормативных правовых договоров, доктринальные правовые тексты и канонические тексты как источники права.

Второй структурный элемент правового языка — прикладные правовые тексты и прикладная правовая речь — имеет еще более сложное строение. Так, подгруппа прикладных правовых текстов объединяет разнообразные тексты правоприменительных актов, которые в свою очередь делятся на группы судебных, административных и других правовых текстов. В эту подгруппу входят также тексты иных правореализационных актов (исковых заявлений, договоров и др.). Подгруппу прикладной правовой речи составляют профессиональная и обыденная правовая речь. К профессиональной правовой речи относятся все виды речи юристов-профессионалов (возможно, и не имеющих специального юридического образования, но обладающих глубокими знаниями и навыками в области права), функционирующей в правовых и связанных с правом социолингвистических ситуациях. Это речь юристов-профессионалов в ходе судебного процесса, речь должностных лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, речь профессиональных консультантов по правовым вопросам и др. Обыденная правовая речь охватывает все виды речи непрофессионалов на правовую или связанную с правом тематику. Это речь непрофессиональных участников судебного и иных правоприменительных процессов, юридический арго, обыденные рассуждения по правовым проблемам и др.

Наконец, третьим элементом структуры правового языка являются научные и учебные правовые тексты, научная правовая речь и правовая речь образовательного процесса. В подгруппу научных правовых текстов представляется возможным включить собственно научные тексты, в которых исследуются те или иные правовые проблемы, а также научно-популярные тексты, в подгруппу учебных правовых текстов — разнообразную учебную литературу правового характера (учебники, учебные пособия, учебно-методические пособия и т.д.). Научная правовая речь охватывает речь ученых-юристов в процессе обсуждения научных проблем, а правовая речь, функционирующая в образовательном процессе, включает как речь педагогов в процессе преподавания юридических или тесно связанных с ними дисциплин, так и речь студентов, слушателей, учащихся и школьников, изучающих данные дисциплины.

Представляется, что многие виды правовых текстов, особенно правореализационных (договоры, исковые заявления, жалобы и др.), а тем более правовой речи являются вариантами того или иного диалекта и нуждаются в детальном эмпирическом исследовании. Особую значимость имеет анализ диалектологических особенностей различных видов правовой речи (речи участников судебного процесса, речи должностных лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, обыденной речи на правовую тематику, юридического арго и др.). Необходимо также отметить, что компетентными пользователями правового языка являются только лица, обладающие профессиональными юридическими знаниями и навыками.

Предложенное М.А.К. Холлидеем деление этнического языка на реестры основано на различии социальных ситуаций, в которых он используется. Если выделение диалектов в составе этнического языка предполагает его исследование как *langue*, т.е. как системы знаков и правил оперирования ими, то реестры этнического языка обнаруживаются в плоскости его изучения как *parole*, т.е. как совокупности речевых актов, коммуникации людей. (Термины *langue* и *parole* введены в научный оборот известным швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром.) Справедливым представляется вывод Т. Гизберта-Студницкого о том, что язык права является прежде всего реестром этнического языка, т.е. его разновидностью, определяемой ситуативных текстов и правовой речи обусловлены чертами тех социальных ситуаций, в которых они функционируют как средства языковой коммуникации. Анализ правового языка как реестра языка этнического предоставляет исследователям широкие возможности в определении его коммуникативно обусловленной специфики. Более того, поскольку правовой язык неоднороден, то различные виды правовых текстов и правовой речи функционируют в разных социолингвистических ситуациях, что позволяет вести речь и о различных правовых подреестрах естественного языка. Согласно указанной выше структуре правового языка, целесообразно выделить следующие виды правовых подреестров: тексты источников права, прикладные (правореализационные) правовые тексты, профессиональная и обыденная прикладная правовая речь, научные и учебные правовые тексты, а также научная правовая речь и правовая речь образовательного процесса. В ходе дальнейшего исследования данной проблемы важно классифицировать социолингвистические ситуации, в которых функционируют различные виды правовых текстов и правовой речи, осуществить сравнительный анализ самих этих ситуаций и вызванных ими языковых различий.

В аспекте анализа правовых текстов и правовой речи как реестров этнического языка особый интерес представляют закономерности, установленные Т. Гизберт-Студницким в процессе исследования социолингвистических ситуаций, в которых функционируют тексты нормативных правовых актов. Он выделил пять независимых от *acta parole* составляющих этих ситуаций: 1) отправитель текста; 2) получатель текста; 3) коммуникативный канал; 4) тематическое поле; 5) социальный контекст [11, 46]. Далее он определил влияние каждого из этих элементов на лингвистические особенности текстов нормативных правовых актов. Представляется, что подобному анализу должны быть подвергнуты все типы социолингвистических ситуаций, в которых функционируют различные виды правовых текстов и правовой речи. Такой анализ позволит установить языковую специфику правовых текстов и правовой речи, обусловленную процессом коммуникации, и определить социальные причины разнообразия различных фрагментов правового языка.

Анализируя соотношение правового языка с естественным, некоторые авторы предлагают рассматривать отдельные виды правового языка как идиолекты. Например, Т. Гизберт-Студницкий определяет язык права (язык текстов нормативных правовых актов) как своеобразный идиолект законодателя [11, 36—37]. Безусловно, с точки зрения теории интерпретации важно учитывать индивидуальные особенности автора правового текста или речи. Особую значимость имеет индивидуализация текста или речи при их семантическом анализе, в процессе установления содержащихся в них специфических значений языковых выражений. Однако такой подход далеко не всегда продуктивен, особенно для текстов источников права, в которых лингвистическая специфика их создателей выражена крайне слабо. Более того, взгляд на правовой язык как на совокупность идиолектов не позволяет выделить типичные черты, свойственные его отдельным видам.

Проведенный анализ позволяет заключить, что правовой язык нельзя отнести ни к группе искусственных, ни к группе смешанных языков на том лишь основании, что многие элементы его лексики, синтаксиса, пунктуации, а также семантические и прагматические правила сознательно формируются в процессе правотворческой или научной деятельности. Все элементы и правила правового языка, несмотря на их специфику, базируются на знаках и грамматиках соответствующего естественного языка, а не создаются искусственно.

Представляется, что правовой язык является прежде всего реестром этнического языка и его анализ в этом качестве предоставляет исследователям широкие возможности в определении его коммуникативно обусловленной специфики. Поскольку правовой язык неоднороден, то различные виды правовых текстов и правовой речи функционируют в неодинаковых социолингвистических ситуациях, что позволяет вести речь и о разных правовых подреестрах естественного языка. Целесообразно выделить следующие виды правовых подреестров: тексты источников права, прикладные (правореализационные) правовые тексты, профессиональная и обыденная прикладная правовая речь, научных и учебных правовых текстов, а также научной правовой речи и правовой речи образовательного процесса. Следует также отметить, что многие виды правовых текстов, особенно правореализационных (договоры, исковые заявления, жалобы и др.), а тем более правовой речи являются вариантами того или иного диалекта и нуждаются в детальном эмпирическом исследовании.

Литература

1. Власенко, Н.А. Язык права / Н.А. Власенко. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1997.
2. Губаева, Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т.В. Губаева. — М.: НОРМА, 2003.
3. Керимов, Д.А. Культура и техника законодательства / Д.А. Керимов. — М.: Юрид. лит., 1991.
4. Прокофьев, Г.С. Соотношение права и языка: теоретико-философский анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Г.С. Прокофьев; МГУ. — М., 2002.
5. Хабибулина, Н.И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.И. Хабибулина. — М., 1996.
6. Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А.Ф. Черданцев. — Екатеринбург: Наука, 1993.
7. Шугрина, Е.С. Техника юридического письма: учеб.-практ. пособие / Е.С. Шугрина; Амер. ассоц. юристов. — 2-е изд. — М.: Дело, 2000.
8. Философские основы соотношения языка права и текста закона / А.С. Александров [и др.] // Философия права. — 2002. — № 1(5).
9. Голев, Н.Д. Юридизация естественного русского языка как фундаментальная проблема юридической лингвистики / Н.Д. Голев // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы / под общ. ред. М.Л. Ремневой, А.А. Поликарпова. — М., 2001.
10. Пиголкин, А.С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика) / А.С. Пиголкин. — М.: Юрид. лит., 1968.
11. Gizbert-Studnicki, T. Język prawny z perspektywy socjolingwistycznej / T. Gizbert-Studnicki // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. DCCL XXVII. Prace z nauk politycznych. Zeszyt 26. — Warszawa, Kraków: PWN, 1986.
12. Lang, W. Teoria prawa / W. Lang. — Toruń, 1972.
13. Opalek, K. Zagadnienia teorii prawa / K. Opalek, J. Wróblewski. — Warszawa, 1969.
14. Ziemiński, Z. Wykładnia prawa i wnioski prawnicze / Z. Ziemiński // Zarys teorii państwa i prawa / A. Redelbach, S. Wronkowska, Z. Ziemiński. — Warszawa: PWN, 1993.
15. Соломоник, А. Философия знаковых систем и язык / А. Соломоник. — 2-е изд., доп. и испр. — Минск: МЕТ, 2002.
16. Hockett, Ch. The Problem of Universals in Language / Ch. Hockett // Universal of Language. — Massach., 1963.
17. Halliday, M.A.K. The Users and Uses of Language / M.A.K. Halliday // Readings in the Sociology of Language; ed by J. Fishman. — Paris, 1968.

Статья поступила
в редакцию 24.03. 2011 г.

□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.
□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.